

Е. А. Збравомыслова, А. А. Темкина

ГЕНДЕРНОЕ (GENDERED) ГРАЖДАНСТВО И СОВЕТСКИЙ ЭТАКРАТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

В данной статье мы анализируем гендерный аспект советского гражданского статуса, который формировался политикой и идеологией советского государства. В обществах советского типа государство выступает в качестве гегемонного агента контроля гендерных отношений, осуществляя их нормативное и идеологическое регулирование через законодательные акты и официальные дискурсы. Наша задача заключается в том, чтобы показать, как советское государство создавало категорию «новых советских граждан», различных по признаку пола (советских мужчин и советских женщин), и как советские граждане в повседневной жизни приспосабливались к гендерной политике.

Мы рассматриваем, как создавалась категория «гражданства» и ее гендерное воплощение в послереволюционный, сталинский и позднесоветский периоды. В своих выводах мы опираемся как на наши собственные исследования, так и на работы других авторов (Lapidus, Kop, Ashwin, Buckley, Marsh, Rotkirch, Tapakovskaya, Kibitskaya, Issourova, Kukhetein и др.). Обсуждая советский гендерный порядок и гражданство, в данной статье мы обращаемся преимущественно к анализу государственной политики *в отношении женщин*, поскольку гендерная сензитивность власти проявилась в детальной разработке нормативных актов и мер, регулирующих положение советских гражданок — матерей и работниц.

СОВЕТСКОЕ ГРАЖДАНСТВО И ГЕНДЕРНЫЙ ПОРЯДОК: КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ

Проясним смысл аналитических категорий, которые используются для концептуализации гендерных отношений и гражданства в советском обществе.

Под гражданством в современных исследованиях и политических дискурсах понимается система гражданских, политических и социальных прав и обязанностей, определяющих взаимоотношения государства и граждан и/или взаимоотношения индивидов, лежащих к сообществу и разделяющих общие моральные ценности

(Marshall 1950). Гражданство включает не только государственное регулирование статусов, прав и обязанностей, но и активное участие граждан во взаимодействиях и переговорах с государством по поводу своих прав (Turner 1990).

Категория «гражданства», как показали феминистские исследователи, является гендерно маркированной (Lister 1997; Pateman 1992; Walby, Yuval-Davis 1997). Положение женщин в обществе как «гражданок» определяется семейной и гендерной политикой, доминирующими и конкурирующими гендерными идеологиями, политическим и социальным участием женщин. В разных исторических контекстах женщины могут иметь (или не иметь) равные с мужчинами гражданские, политические и социальные права, они могут быть выделены в особую категорию граждан, наделенную особыми правами, «положительными» и «отрицательными» привилегиями (в частности, социальными, поддерживающими осуществление материнства). Женщины могут выступать (или не выступать) в качестве активных агентов преобразования общества в целом и гендерных отношений в частности.

В советском государстве система гражданства включала права и обязанности, которыми по закону наделялся каждый советский гражданин. Однако по существу гражданство означало мобилизацию граждан на осуществление целей социалистического строительства и подтверждение лояльности¹. Цели строительства социалистического общества были, с одной стороны, общими для всех граждан, формально имевшими равные права и обязанности. С другой стороны, гражданский статус (формально и неформально) различался в зависимости от социального происхождения и положения, возраста, пола и национальности (этничности). В данном случае нас интересует каким образом государство осуществляло различение граждан по признаку пола и создавало гендерные различия между гражданами. Мы утверждаем, что государственное конструирование

¹ Отметим, что в поднесоветском общественном дискурсе по отношению к законопослушным гражданам использовалось обращение «товарищ», а обращение «гражданин» использовалось в отношении правонарушителей. Официальный дискурс объединял советских людей — *товарищей* — как лояльных и законопослушных, а не как «граждан». Другой распространенный смысл гражданства был связан с противопоставлением «гражданки» военной службе. Понятие «гражданских прав» существовало только в диссидентской среде. Однако более подробный анализ советского политического и повседневного словаря «гражданства» и его изменений выходит за пределы данной статьи.

гендерного гражданства создавало рамки для особых женских жизненных стратегий, возможных именно в советском контексте.

Создание «нового» советского гендера («новой женщины» и «нового мужчины» и новых отношений между полами) происходило в рамках политики по вовлечению женщины в общественное производство и политическую жизнь, государственного регулирования семьи, формирования и изменения официальных дискурсов, интерпретирующих женственность и мужественность. Советское государство выступало главным агентом создания и поддержания нового советского гендерного порядка, регулирующего отношения между государством, гражданами и гражданками.

Под *гендерным порядком* мы понимаем исторически заданные образцы властных отношений между мужчинами и женщинами и внутри групп, выделенных по признаку пола (Connell 1987: 98—99). Эти образцы фиксируются в социологическом дискурсе как гендерно маркированные социальные институты и практики. Гендерный порядок воспроизводится и изменяется в результате взаимодействия структурных условий и практик, в его рамках формируются и поддерживаются представления о мужественности и женственности, гендерные идеологии и дискурсы, коллективные действия, проблематизирующие и изменяющие гендерный порядок. Для конкретных людей — мужчин и женщин — структурные условия формируют спектр объективно существующих барьеров и возможностей осуществления их действий и жизненных проектов.

Советский гендерный порядок мы описываем как этакратический, т. е. в значительной степени определяемый государственной политикой, задающей возможность и барьеры для действий людей¹. Используя подход М. Фуко, исследователи выделяют два основных структурных элемента дискурса власти (официального дискурса), в которых выражается государственная политика: нормативные и нормализующие суждения (Лебина 1999). Применяя эти положения к изучению гендерного порядка в советском обществе, мы

¹ Этакратическая стратификационная система характеризуется следующими особенностями: государственно-монопольный способ производства, процесс постоянного углубления государства, милитаризация экономики, сословно-слоевая стратификация иерархического типа, при которой позиции индивидов и групп определяются их рангом, присвоенным государственной властью, отсутствие гражданского общества, правового государства и наличие системы подданства, парткратии (Радаев и Шкаратаи 1996: 260).

относим к нормативным суждениям нормы права и партийно-государственные директивы, выраженные в официальных директивных документах партии и государства и юридических актах. Нормализующие суждения власти, регламентирующие повседневную жизнь, можно обнаружить при анализе документов общественных организаций, официальных СМИ, текстах, рекомендациях комиссий коммунистической партии по агитации и пропаганде. Гендерное гражданство, т. е. определение женщин как советских гражданок и их особого положения в обществе, формировалось через нормативные и нормализующие механизмы власти, регламентирующие публичную и приватные сферы жизни.

При этом регулирование частной жизни (быта), репродуктивного и брачно-семейного поведения не было тотальным, также как и регулирование гендерно-маркированных стратегий в публичной сфере. Конкретные люди, женщины и мужчины, принадлежавшие к разным средам и социальным общностям, вырабатывали разнообразные жизненные стратегии (такие как эмиграция, эскапизм, пассивные и активные формы сопротивления и приспособления — Фицпатрик 2001б). В условиях жесткого институционального контроля, характерного для советского общества, варианты жизненных и дискурсивных стратегий были ограничены и носили реактивный характер.

Мы не будем здесь воспроизводить дискуссию о публично-приватной сфере советского периода, о неформальном, втором, параллельном обществе. В данном случае мы рассматриваем формирование гендерного гражданства на нескольких уровнях: уровне нормативных актов и официальных идеологий (нормализующих суждений), с одной стороны, и уровне стратегий индивидов и семей, с другой. Для нас важна, в первую очередь, роль государства в создании гендерно-маркированной категории гражданства и конкретные стратегии, составляющие ткань советской повседневности.

Мы исследуем гендерное гражданство — создание категории «советской женщины» как работницы, общественницы и матери — в хронологической последовательности.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ СОВЕТСКИХ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В работах российского социолога Игоря Кона и американской исследовательницы Гейл Лапидус предложена периодизация совет-

ского гендерного порядка на основе партийно-государственной политики в отношении сексуальности и женщин (Кон 1997; Коп 1995; Laridus 1977). В таком подходе символически зафиксировано признание того, что советский гендерный порядок являлся этакратическим, т. е. отношения между полами определялись в первую очередь жесткими рамками государственного регулирования. Несколько иную периодизацию, основанную на выделении нескольких поколений советских людей, имевших разную социализацию и повседневный опыт, предлагает финская исследовательница А. Роткирх (Rotkirch 2000).

Все эти исследователи выделяют четыре периода советских гендерных отношений. Первый этап датируется 1918—началом 1930-х гг. Кон определяет его как период большевистского экспериментирования в сфере сексуальности и семейно-брачных отношений. Лапидус называет его периодом политической мобилизации женщин, или периодом женсоветов. В целом, представляется, что большевистский период может быть представлен как гендерная политика решения женского вопроса. В этот период основанием для определения женщин как категории советских гражданок становится дефамилизация и политическая мобилизация женщин.

Второй этап — 1930—середина 1950-х гг. — концептуализируется как тоталитарная андрогиния, как период экономической мобилизации женщин. В нем выделяется великий перелом — 1929—1934, которому, как отмечает Тимашев (Timashev 1946), соответствует традиционалистский откат в политике семейно-брачных отношений. Начало этого периода соответствует первым пятилетним планам индустриализации и коллективизации, а затем официальной декларацией, согласно которой женский вопрос в Советском Союзе был решен. Символическая граница окончания данного периода гендерной политики — 1955-й г., когда была отменена криминализация абортов, и таким образом обозначена либерализация государственной репродуктивной политики. В период сталинизма при помощи механизмов репрессий, жесткого контроля в сочетании с политической социальной гарантией стабилизировался патримониальный этакратический контракт «работающая мать». Право на общественно полезный труд и советское материнство становятся принудительными обязанностями.

Третий этап — середина 1950—конец 80-х гг. — приходится на период политической оттепели, начало которого датируется

XX съездом КПСС, кампаниями массового жилищного строительства и новой постановкой женского вопроса, связанного с программой решения демографического кризиса в стране. Либерализация режима после XX съезда КПСС привела к ослаблению этакратии и частично высвобождению семейной жизни из-под жесткого государственного контроля. Женщина остается вовлеченной в общественный труд, одновременно в гендерном определении гражданства усиливается роль «добровольного» материнства, поддерживаемого активной социальной политикой. Материнство остается важным компонентом гражданского статуса женщин.

Четвертый этап начинается в период политических и экономических реформ конца 1980-х гг., когда существенным образом меняется роль государства в регулировании социальных отношений в целом и гендерных, в частности. Усиливается роль рыночных регуляторов, гендерные отношения становятся социально стратифицированными, одновременно сохраняется наследие советского гендерного порядка и гендерного определения гражданства.

В данной статье мы в основном ограничиваемся анализом этакратического (советского) гендерного порядка и лишь намечаем некоторые проблемы постсоветского гендерного гражданства в заключении.

Реконструируя гендерные дискурсы, участвующие в производстве категории «женщины», мы анализируем официальную гендерную политику, а также обращаемся к свидетельствам художественной, публицистической и научной литературы соответствующих периодов.

1-й ЭТАП. ФОРМИРОВАНИЕ «НОВОЙ ЖЕНЩИНЫ»: ДЕФАМИЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Рассмотрим подробнее, каким образом государство создавало новые гендерно-маркированные категории граждан, — прежде всего, «новую женщину» в первый большевистский период, и к каким последствиям привела данная политика. В это время в дискурсе власти выдвигается программа решения так называемого «женского вопроса» как вопроса политического. По Конституции женщины получают основные гражданские права: право избирать и быть избранным, право равной оплаты за равный труд, право на образова-

ние, на развод. Одновременно женщины были определены как особая категория граждан, имеющая значимые отличия по сравнению с парной категорией — мужчин. Отличия женщин как рода и пола в дискурсе большевистской власти позиционируются как репродуктивно-биологические и социально-политические. С одной стороны, женщина представлена как «отсталый элемент», нуждающийся в целенаправленном государственно-политическом воздействии. С другой стороны, женщины рассматриваются как потенциальные матери и строители социалистического общества, в качестве которых они должны быть мобилизованы пролетарским государством.

Выдвигая тезис «политической отсталости», «закабаленности» и «темноты» женщин, большевики признавали их неготовность к советской трансформации. Женщины для большевиков представляли политически опасную силу (см., напр., Коллонтай 1920: 7). Именно в борьбе с отсталостью женского пролетариата заключался смысл политики решения женского вопроса. Женщины считались «отсталым элементом» не только из-за низкого уровня грамотности, но и потому, что они были оплотом традиционной семьи, оплотом частной сферы жизни. Необходимость целевой агитационно-пропагандистской работы «среди женского пролетариата» обосновывалась задачами преодоления «темного проклятого наследия, доставшегося нам от капиталистического строя» (Коллонтай 1920: 5).

Политика формирования новой женщины представлена рядом нормативных актов и политических кампаний, призванных вовлечь женщин в советскую публичную сферу, превратить ее в гражданку коммунистического общества: работницу, общественницу и мать.

В ст. 18 Конституции 1918 г. провозглашалась обязанность всех советских граждан трудиться: «Не трудящийся, да не ест!». Труд на благо социалистического отечества стал государственной повинностью и основой большевистского определения гражданства. Женщина-работница, занятая на социалистическом производстве, вышвыбодилась от патриархальной семейной экономической зависимости. На предприятия проводилась политика социального обеспечения материнства. В сфере политики уже с 1920-х гг. устанавливается система квот для женщин как отдельной категории населения.

В сфере семейно-брачных отношений, т. е. в частной, приватной сфере, государственный контроль над которой в либеральном обществе ограничен, были предприняты радикальные меры, призванные существенно изменить отношения между полами. Первые

ми декретами советской власти был узаконен гражданский брак, зарегистрированный в органах местной администрации, ЗАГСсах. Разрушалась традиционная религиозно-церковная легитимация супружеских отношений. Десакрализованый светский брак, личный частной собственности, как своего экономического основания, становится хрупким социальным институтом.

Обратим внимание на законодательное оформление развода супругов, которое свидетельствует о позиционировании брака и семьи в дискурсе власти, т. е. показывает нам, какова ценность семьи для данного государства. Декрет 1918 г. облегчил процедуру развода, а, согласно брачному законодательству 1926 г. расторжение брака допускалось в одностороннем порядке, получила распространение такая практика, как развод по почтовому уведомлению; в это же время были юридически уравниены фактически и зарегистрированные браки. Комментаторы отмечают, что развестись в большевистской России было проще, чем выписаться из домовой книги; средняя продолжительность вновь заключенных браков составляла 8 месяцев, многие браки расторгались на другой день после регистрации (Щеглов 1995: 455).

Необходимо обратить внимание на еще один аспект большевистской гендерной политики — политику воспитания новой культуры супружеских отношений. А. Коллонтай пишет в 1922 г. о революции нравов: «В советский период разрушается старая семья, и это естественный процесс. Возникает новая семья, где не кровное родство, а общность работы, единство интересов, стремлений и задач будет связывать людей, будет воспитывать из них истинных братьев по духу» (Коллонтай А. Предисловие. Резолюции Первого Всероссийского совещания работниц. Пг., 1920. С. 10. Здесь Коллонтай пользуется термином «братья» — в этом мы усматриваем символическое указание на андрогинию как политику выравнивания прав супругов по мужскому образцу).

Одним из первых декретов советской власти в правах уравниваются дети, рожденные в браке и вне его. Таким образом, из права изымается категория незаконнорожденного ребенка и изменяется отношение к «внебрачной матери». Женщина является трудовой единицей, брак становится личным делом, но материнство конституируется как самостоятельная социальная обязанность.

Большевистский гендерный проект предполагал, что родительские воспитательные функции во многом возьмут на себя советские

коммунальные учреждения. Тем не менее дети имели право на алименты, выплачиваемые отцом в случае соответствующего обращения в суд матери ребенка. Реальное отцовство установить было трудно. Для объявления мужчины отцом достаточно было заявления матери. Презумпция материнской правоты таким образом была обеспечена законодательством.

Еще одной из мер большевистской гендерной политики была легализация медицинского аборта (1920 г.). При этом, для того чтобы сделать аборт в государственном медицинском учреждении, женщины должны были пройти комиссию, которая оценивала их материальное положение, состояние здоровья, социальный статус и давала соответствующее разрешение. Этот законодательный акт стал важным шагом в утверждении репродуктивных прав женщин. Однако в текстах большевистских идеологов того времени постоянно подчеркивалось, что этот закон является вынужденной мерой, обусловленной ростом числа криминальных аборт в период послевоенной разрухи. Большевистское государство изначально не рассматривало материнство как индивидуальное право и частное дело советской гражданки. Материнство объявляется общественной гражданской обязанностью. Согласно дискурсу власти, новая женщина — это гражданка, чей долг не только производить, но и воспроизводить население¹. Репродуктивная обязанность женщины трактуется не как воспроизводство рода или семьи, а как воспроизводство советского гражданина — члена коллектива или большой трудовой семьи советского народа, строящего коммунизм в условиях враждебного окружения.

В 1920-е гг. продвигается социальная и идеологическая политика нового быта, ориентированная на «освобождение женщин от кухонного рабства» и коллективизацию быта. Женский вопрос рассматривается большевиками в категориях борьбы с патриархальной буржуазной семьей, угнетающей женщин, и борьбы за «новый быт».

Признавая политическую значимость женского вопроса, большевистская власть использует категории пола и гендера (в данном случае категорию *женщина*) для того, чтобы легитимизировать партийно-государственный контроль частной жизни граждан.

Декларированная задача раскрепощения и просвещения женщины предполагала *искоренение* привычных практик частной жизни, в том числе материнских и супружеских. В этом заключался главный стратегический ход тоталитарного государства: разрушить границу между приватной и общественной жизнью человека, сконструировать коллективизированного советского гражданина, отказавшегося от ценностей и привычек индивидуализма во имя построения светлого коммунистического будущего.

Каким образом происходит государственное формирование новой советской женщины-гражданки? В рамках нового гражданского контракта государство организует работу политических и социально-воспитательных учреждений, призванных вовлечь женский пролетариат (работниц и крестьянок) в коммунистическое строительство. Политическую мобилизацию осуществляют отделы по работе среди женщин (женотделы), организованные при ЦК РКПб и партийных комитетах разного уровня. Социальную политику поддерживает Охранматмлад (Подотдел ЦК и Министерство по охране материнства и младенчества), в ведении которого находятся Дома матери и ребенка, консультации, ясли, детские сады, материнские льготы работницам.

Женотделы действовали с 1919 до 1930 г., их задачи были определены партийными директивами, закрепленными в резолюциях и постановлениях съездов и конференций. Среди них — «Трудовое раскрепощение работниц и крестьянок», вовлечение женщин «в те отрасли производства, где женский труд не применялся или применялся не в достаточной мере», развитие самостоятельности женского пролетариата (КПСС, 1953: 895—896).

Кроме женотделов — партийных структур, гендерная политика большевиков была обеспечена созданным сверху движением женских масс — с 1918 г. организуются *делегатские собрания*. Делегатки, согласно квоте, выбирались на производственных собраниях работниц и направлялись на политическое обучение, организованное женотделами. Делегатки проводили политику женотделов на местах, представляя образцы общественной активности работниц и крестьянок. «Делегатские собрания соединяют партию с широкими массами», — отмечается в редакционной статье журнала «Работница» — органа женотдела ЦК РКПб (Работница № 10, 1923. С. 11).

Отношение к женщинам и делегатским собраниям было двойственным, как среди членов партии, так и в других социальных сло-

¹ В то же время мужчина рассматривается как отдельная категория, его долг — защищать советскую родину, быть готовым к труду и обороне — воинская и трудовая мобилизация.

ях. Б. Фарнворт описывает внутривидовые разногласия по гендерному вопросу (Farnsworth 1977). Конфликт между супругами представлен и в письмах работниц, поступающих в журналы женотдела (Коммунистка, Работница, Крестьянка), и в наивной прозе агитпропа, опубликованной в этих журналах и в других изданиях (Работница 1923; Коллонтай 1923).

Постепенно под воздействием структурных ломок и целевой политики меняются представления и практики нормативного семейного уклада. Семья действительно оказывается сожительством двух экономически независимых субъектов, которые объединены чувствами любви, товарищества и родительскими обязанностями, выполнение которых поддержано воспитательными и социальными учреждениями. Такой союз легко легко расстается. При этом советские работницы могут быть мобилизованы государством на выполнение срочных задач коммунистического строительства, и воспитание ребенка ложится на плечи матери-работницы, старших членов семьи и советских воспитательных учреждений. Большевицская политика «дефамелизации» приводит к ослаблению семейно-брачных уз, формированию новой, во многом независимой от семьи, женщины-работницы.

Формирование гендерно-маркированного гражданства является значимой частью революционных преобразований. Женщина мобилизуется государством в систему общественного коммунистического производства. При этом материнство поддерживается социальной политикой, и государство конструирует контракт между советской работницей и новой властью. Нормативные суждения власти определяют родительство преимущественно как материнско-государственную функцию. Отцовство репрезентируется как экономический долг. С этого периода начинается традиция отчуждения отцовства, которая поддерживается государственной политикой (см.: Kukhtepin 2000). Формируется гендерно-поляризованная категория гражданства, несмотря на декларацию политического равенства полов.

В советской историографии процесс государственной мобилизации женщины на службу советского строительства рассматривается как эмансипация женщин и решение женского вопроса. Новые права, обеспеченные законом, рост грамотности женского населения, освобождение от семейной экономической зависимости — это важные (но не единственные) результаты формирования гендерно-

го гражданства, которое было по существу нацелено на политическую мобилизацию женщины, закрепленную гендерным социальным контрактом между работницей-матерью и государством.

Суждения власти не прямо транслируются в практике повседневности. В результате приспособления общества к этакратической политике формируются разнообразны гендерные уклады. Государственно-организованная сословная стратификация 1920-х гг. сказалась на формировании различных гендерных укладов. Категории граждан, которые определялись как «классово чуждые и эксплуататорские» нетрудовые элементы (кулаки, нэпманы, торговцы, служители культа, бывшие служащие и агенты царской полиции, бывшие помещики и иные) были ограничены в политических и социальных правах. *Лишenci* не имели избирательных прав, не могли вступать в профсоюзы, состоять на советской службе, работать на фабриках и заводах, их дети не могли учиться в университетах и служить в армии. Они не получали продовольственных карточек и не рассчитывали на государственную поддержку (см. об этом также: Щеглов 1995; Чуйкина 2000). На эти сословия не распространялось новое гражданство, в том числе политика мобилизации и социальной поддержки женщин. Для изменения социального положения представители данных слоев использовали стратегии сокрытия социального происхождения, фиктивных браков и разводов, позволяющие им стать полноправными советскими гражданами. Стратегии адаптации опирались на ресурсы гендерно-маркированного воспитания, приобретенного в дореволюционный период — образованность, знание иностранных языков, музыка, танцы, хобби и другие навыки (Чуйкина 2000).

Эффективность государственного конструирования гендера различается для разных возрастных групп первого поколения советских граждан. Новые тенденции брачной и сексуальной жизни распространяются прежде всего на городскую молодежь. Государственная мобилизация населения приводит к вынужденному номадизму советских граждан и сказывается в воспроизводстве традиционных черт семейно-брачного уклада. Молодое урбанизированное население в большей степени продвигало новые формы гендерных отношений, но и там были заметны патриархальные пережитки. Старшее поколение, лишenci, крестьяне и отдельные категории советских граждан были теми социальными группами, в жизни которых преобладавал традиционный семейно-гендерный уклад, и браки были бо-

лее устойчивыми. В повседневной жизни данный период характеризуется смещением старого и нового быта, традиционных и новых образцов поведения, разломом поколений и соответствующими нравам.

Итак, на первом этапе советской гендерной политики, поднявшей и разрешившей «женский вопрос», женщина была во многом выведена из-под контроля традиционной семьи, ей были предписаны гражданские обязанности работницы и матери. Однако политика нового гендерного маркированного гражданства, осуществляемого через законодательные изменения, кампании «за новый быт», дебаты в женских организациях, никогда не была реализована полностью. В 1920-е гг. в повседневной жизни многих слоев, особенно в деревне, сохранялся традиционный гендерный уклад, с соответствующими религиозными практиками и патриархальными устоями.

Последствия большевистской политики решения *женского вопроса* были противоречивы: государство, создавая «новую советскую женщину-гражданку» и разрушая традиционную семью, рисковало утратить контроль над приватной сферой, репродуктивным поведением и мобильностью граждан. Гендерная политика государства была ужесточена и пересмотрена в контексте задач социалистической модернизации 1930-х гг.

2-й ЭТАП. СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА КАК «РАБОТАЮЩАЯ МАТЬ»: СТАБИЛИЗАЦИЯ ЭТАКРАТИЧЕСКОГО КОНТРАКТА

Рассмотрим следующий этап гендерной политики, который привел к стабилизации этакратического патримониального контракта «работающая мать»¹. На данном этапе женщина-гражданка мобилизована на службу государству и партии как репродуктивная единица и как рабочая сила. Усиление репрессивного политическо-

¹ Особые формы гендерной мобилизации были характерны для военного времени. Война и гендерно-категоризированное гражданство является проблемой, которая заслуживает отдельного исследования. Отметим здесь лишь то, что во время войны и военной мобилизации в тылу женщины начинают заниматься теми видами деятельности, которыми раньше занимались преимущественно мужчины. После окончания войны женщины вытесняются из своего вынужденного положения лидеров, возрастает символическая ценность мужчин. В целом, динамика семейно-брачных отношений, стереотипы женственности и мужественности претерпевают существенные изменения в связи с войной.

го режима стимулирует граждан на «активное» и «пассивное» приращивание к своим правам и обязанностям, жестко регламентированным государством. Женщины осваивают новые адаптации к изменяющейся гендерной политике.

В результате структурных трансформаций Большого перелома традиционная российская семья разрушалась как экономическая единица и как структура, сакрализованная религиозными традициями. На смену ей пришла новая советская семья.

Новый период гендерной политики совпадает с политикой формирования индустриализации и коллективизации. В городе, на стройки социализма массово мобилизуется мужская рабочая сила. Подневольный номулизм советской жизни способствует расшатыванию традиционных семейных устоев в деревне. Отсутствие инфраструктуры на стройках советской модернизации приводит к разрушению семейного уклада: *Ну куда возьмешь семью, когда на стройплощадке одни котлованы, а вокруг дикая тайга? Потом можно было взять, обещали мне на Кузнецстрое комнату в семейном бараке, но к тому времени в колхозе жизнь стала налаживаться, жена снова корову купила* (Фицпатрик 2001б: 245).

Коллективизация в деревне также оказывается гендерной проблемой. Партия предпринимает специфические шаги по интеграции женщин в колхозное строительство, категория «крестьянок» в новых условиях остается особой целевой группой политического воздействия.

Процессы индустриализации, коллективизации и сопутствующие им миграции, «трудова повинность» существенно видоизменяют тип семьи. Советские граждане — мужчины и женщины — во многом высвобождаются от патриархальных традиционных семейных обязательств и зависимости, на смену которым приходит зависимость от патримониального государства и обязательства перед ним. 1930-е гг. считаются периодом «великого отступления» от революционной политики по отношению к семье, возвращения традиционалистских норм (Timasheff 1946). Однако это не столь очевидно. Во-первых, государственная политика поддерживает новую семью — первоячейку советского общества. Во-вторых, в деревне по-прежнему проводится политика раскрепощения женщин: крестьянок поощряют освобождаться от тирании мужей и отцов, отстаивать свой статус независимых колхозниц, равных мужчинам. В связи с нарастающим увеличением разводов и бегства мужей,

матери-одиночки составляли в колхозе значимую социальную категорию (Фишпатрик 2001б)¹.

Гендерная политика, определяющая положение женщины как матери и работника, претерпевает существенные изменения. Усиленные традиционализма гендерной идеологии, ужесточение брачного законодательства, ухудшение жилищных условий, жесткое регулирование сексуального поведения делает граждан подотчетными перед государством и общественностью не только в отечественной публичной, но и в семейно-бытовой сфере.

Индустриализация сопровождается новой жилищной политикой, влияющей на модели брачных отношений. Решение жилищного вопроса в период крупномасштабной миграции сельского населения в города и перетасовки городского населения решаются за счет массовой коммуналлизации жилья. Дома-коммуны в реальности остались лишь утопией большевистского периода, но их идея реализовалась в системе рабочих бараков и общежитий.

Описывая общежитие студентов-химиков, Ильф и Петров отмечают: *Розовый домик с мезонином — нечто среднее между жилтовариществом и феодальным поселком... Фанера, как известно из физики — лучший проводник звука. Большая комната мезонина была разрезана фанерными перегородками на длинные ломты, в два аршина ширины каждый. Комнаты были похожи на леналы, с тем только отличием, что кроме карандашей и ручек, здесь были люди и примусы* (Ильф и Петров 1995а: 221—222).

Частная жизнь и обустройство быта рассматривались как проявление индивидуализма, эгоизма, пережитков буржуазного прошлого. Коммунальные квартиры становятся симптомом того, что частная жизнь граждан превращается в объект повседневно-контроля и надзора; семья как приватная сфера во многом перестает существовать. Перенаселенная и переделанная коммунальная квартира

¹ Фишпатрик пишет о том, что «советская власть 30-х гг., если речь заходила о деревне, пыталась предубеждение против мужчин в пользу женщин, поскольку отрицательные образы, например, кулака, всегда были мужскими, а положительные, например, крестьянки-стахановки — как правило, женскими... мужчины обладали властью, следовательно, от них исходила большая угроза; женщины, как правило, были бесправны, следовательно не представляли угрозы и их даже можно было привлечь к сотрудничеству как эксплуатируемую (мужчинами — ЛЗ, АТ) группу» (Фишпатрик 2001б: 204). В деревне крайне незначительное число женщин выдвигалось на руководящие посты и это признавалось проблемой, для решения которой необходимо было ломать традиционный гендерный порядок.

становится атрибутом советской повседневности. (Герасимова 2001). Семейная жизнь протекает под надзором соседей, коммунальное сообщество становится моделью расширенной семьи, в которой женщины выполняют традиционные роли. В условиях коммунального быта сексуальность перестает быть *практикой удовольствия* (Темкина 2002).

Постепенно тематика сексуальности вытесняется из публичных дебатов, формируется поколение, для которого характерно личное мерное умалчивание своего интимного опыта, преподносимое как общественная добродетель (Rotkirch 2000). Осуждение *свободной любви* дополняется государственными мерами по контролю рождаемости и превращению материнства в принудительную гражданскую обязанность женщины. В 1936 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР запрещаются аборты; одновременно предоставляются льготы многодетным и одиноким матерям, расширяется сеть родильных домов, детских яслей и детских садов, усиливается уголовное наказание за неплатеж алиментов. В 1944 г. Указом Президиума ВС СССР делегитимизированы фактические браки, усложнена процедура развода, запрещено установление отцовства внебрачных детей (Гендерная экспертиза 2001: 105). Эти меры направлены на укрепление брачных союзов и поддержку материнства.

В условиях отсутствия контрацептивной индустрии и профессионального сексуального образования женщина становится мобилизованной как репродуктивная сила, поставленная государству гражданам. Одновременно она мобилизована как работница: в период форсированной индустриализации при низкой производительности труда государство использует женскую рабочую силу как трудовой ресурс. В это время отменяются многие льготы для женщин на производстве — запреты на работу в ночные смены и в тяжелых условиях труда; создаются движения за овладение женщинами мужских профессий. Двойная мобилизация женственности легитимируется в понятиях гражданского долга и женского предназначения.

Американский исследователь Алекс Даллин пишет, что отношение советского государства к женщине в этот период представляло собой нечто среднее между отношением к генератору и к корове; с одной стороны, она должна была работать на производстве, как машина, а с другой стороны, должна была рожать, как корова (Dalin 1977: 390). Именно в это время развивается официальный дискурс советской суперженщины. Формула двойной нагрузки становится

частью нормализованного властью стереотипа женственности, который усвоили многие поколения советских гражданок. В 1930-е гг. сворачиваются многие направления социальной политики. Решение демографических и экономических проблем осуществляется через запретительные меры.

В современных теориях гражданства исследователи выделяют пассивное — активное отношение к правам и обязанностям, устанавливаемым государством. Активное гражданство предполагает реальное участие граждан в управлении и политическом процессе, участие в общественных движениях (Turner, Yuval-Davis). В условиях жесткого регулирования всех сфер советской жизни, запрета на любые формы открытого протеста возникают «псевдоактивные» действия граждан, которые включают в себя «уловки, с помощью которых слабые пытаются защитить себя и отстоять свои права друг перед другом так же, как и перед сильными. ...Эти стратегии представляют собой набор способов, позволяющих человеку, на долю которого выпало получить приказы, а не отдавать их, добиваться того, чего он хочет» (Фицпатрик 2001б: 12). Ш. Фицпатрик, вслед за Скоттом, называет такие действия *стратегиями подчиненных*. На основе изучения повседневной жизни города и деревни 1930-х гг., она выделяет стратегии повседневного пассивного сопротивления (например, религиозного), пассивного приспособления (неохотное признание навязанных государством правил игры), активного приспособления (занятие более высоких позиций в социальной иерархии), стратегии манипулирования: «потемкинские стратегии» (публичные ритуальные действия общественных объединений), апелляции к властям (индивидуальные письменные жалобы и доносы).

В условиях этакратического гендерного порядка формируются и специфические стратегии «подчиненных женщин», использующих формальные возможности и неформальные каналы влияния. Вслед за Фицпатрик, можно выделить стратегии активного приспособления (движения стахановок, общественниц), стратегии манипулирования (апелляции женщин к властям), стратегии пассивного приспособления к изменяющейся гендерной политике (в частности, укрепление семьи в целях индивидуального выживания). Все эти стратегии не предполагают протеста против государственной политики, напротив, они в своих целях используют навязываемые практики и права и обязанности, определенные государством. Рассмотрим данные стратегии подробнее.

Стратегия активного приспособления связана, в первую очередь, с вовлеченностью женщин в общественные движения работниц, крестьянок и жен трудящихся, инициированные партией и государством. К ним относятся движение за овладение женщинами мужских профессий (трактористки, летчицы), движение общественниц и пр. Участие в таких движениях изменяло горизонт возможностей для женщин, способствовало их социальной мобильности, обеспечивало их новыми ресурсами.

Движение жен руководящих работников (общественниц) реализует традиционалистскую составляющую гендерной политики. Согласно новой политике прославляется и повышается статус жены. Идеология домашней хозяйки как нсорганизованного сегмента населения сменяется идеологией советской жены — опоры мужа и семьи. Жены были организованы по месту работы мужа, что означало их подконтрольность советским коллективам. Первоначально общественницы делали то же, что и делегатки в период раннебольшевистской гендерной политики. Движение ориентировалось на проведение политики культурной революции и обустройство быта, однако в дальнейшем (в предвоенное время) приоритеты сместились к освоению женщинами мужских профессий. Участие в данном движении повышало социальный статус и компетентность женщин.

Фицпатрик обращает внимание на то, что стратегии «подчиненных» были конфликтующими. В частности, стахановцы вызывали ненависть большинству работников, поскольку, благодаря их производственным достижениям, поднимались нормы выработки. Тем более не встречала одобрения позиция женщины-активистки: их успехи на «трудоваом поприще влекли за собой попираание авторитета мужчин (отцов и мужей) в семье. Лозунги освобождения женщин от патриархального гнета, сопровождающие стахановское движение, несомненно настолько привлекали некоторых крестьянок (главным образом молодых, но порой и женщин более старшего возраста, овдовевших и брошенных мужьями), насколько казались оскорбительными большинству крестьян» (Фицпатрик 2001б: 21). Стратегии активного приспособления женщин сталкивались с традиционными стереотипами, ограничивающими их распространение.

Другая стратегия — манипулирование. В 1930-е гг. массовый характер приобретают апелляции женщин к властям по поводу семейных конфликтов. Данная стратегия опиралась на традиционалистские взгляды и смыкалась с официальной интерпретацией женщи-

